

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.10>

Стецкевич Михаил Станиславович

**СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В АНГЛИИ XVIII-XIX ВЕКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье рассматривается процесс изучения секуляризации в Англии XVIII-XIX веков современной англоязычной историографией. Анализируются существующие точки зрения относительно концепта секуляризации и масштабов его применимости к описанию английской религиозной жизни данного периода. Осуществляется разбор концепций таких исследователей, как Д. Мартин, А. Д. Джилберт, Х. Маклауд, Дж. Кларк и др. Делается вывод о том, что большинство авторов признает наличие в викторианской Англии серьезных секуляризационных процессов, хотя и расходится в оценке их причин, динамики и масштабов.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/9/2018/10/10.html](http://www.gramota.net/materials/9/2018/10/10.html)

Источник

**Манускрипт**

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(96) С. 53-60. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/9.html](http://www.gramota.net/editions/9.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/9/2018/10/](http://www.gramota.net/materials/9/2018/10/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

33. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 20. Оп. 1.

34. ЦГА УР. Ф. 409. Оп. 1.

35. Шумилов Е. Ф. Город на Иже, 1760-2000. Ижевск: Свиток, 1998. 399 с.

36. Шумилов Е. Ф. Ижевск как этноконфессиональный «плавильный котел» (по материалам метрических книг XVIII – начала XX в.) // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 121-126.

#### HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF KAMA'S FACTORIES BY THE MATERIAL OF THE III-V POPULATION CENSUSES

Pislegin Nikolai Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor

Churakov Vladimir Sergeevich, Ph. D. in History

*Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk  
cpeg@rambler.ru; vermis3@gmail.com*

By the material of the lists of the III-V population censuses and some other documents created on their basis the article examines the historical and demographic characteristics of the residents of Kama's (Izhevsk and Votkinsk) factories in 1764-1795. The paper analyses the dynamics of gender and age, ethnic and class, professional structure, in-law relations. The authors conclude that, established at the end of the 1750s, to the end of the XVIII century Kama's factories were already large-scale settlements with their own demographic structure and behaviour basically typical of the traditional society.

*Key words and phrases:* Izhevsk; Votkinsk; ironworks; census lists; workmen; workers; peasants; Unterschichtmeister; gender and age structure; mortality rate; in-law relations; surnames; traditional society.

УДК 94(415)+285/288

Дата поступления рукописи: 09.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.10>

*В статье рассматривается процесс изучения секуляризации в Англии XVIII-XIX веков современной англоязычной историографией. Анализируются существующие точки зрения относительно концепта секуляризации и масштабов его применимости к описанию английской религиозной жизни данного периода. Осуществляется разбор концепций таких исследователей, как Д. Мартин, А. Д. Джилберт, Х. Маклауд, Дж. Кларк и др. Делается вывод о том, что большинство авторов признает наличие в викторианской Англии серьезных секуляризационных процессов, хотя и расходится в оценке их причин, динамики и масштабов.*

*Ключевые слова и фразы:* секуляризация; историография; Церковь Англии; диссентеры; антиклерикализм.

Стецкевич Михаил Станиславович, к.и.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

[m.steckevich@spbu.ru](mailto:m.steckevich@spbu.ru)

#### СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В АНГЛИИ XVIII-XIX ВЕКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 18-011-00241 «От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII – первой половине XIX в.».*

Понятие «секуляризация» (от позднелатинского *saecularis* – мирской, светский; англ. *secularization*) до середины XIX века использовалось в английском языке преимущественно для обозначения процесса перехода церковного имущества под светский, государственный контроль. Крупный английский историк-религиовед Х. Маклауд полагает, что первым, кто придал этому термину более обширный смысл, был британский историк и эссеист У. Леки, писавший в своей работе «История подъема и воздействия духа рационализма в Европе» (1865) о «секуляризации европейского интеллекта» и «секуляризации политики» [29, р. 1].

П. Корфилд обращает внимание на использование термина «секулярный» как «обмирщенный», «бездуховный» еще в текстах XVIII века. Она отмечает, что в 1851 г. английский общественный деятель Дж. Холиоук именовал «секуляризмом» гуманистическую этику, свободную от божественной санкции [12, р. 229-230]. В итоге уже на рубеже XIX-XX веков понятие «секуляризация», не утратив своего первоначального «имущественного» значения, стало активно использоваться для характеристики постепенного освобождения индивидуальной и общественной жизни от доминирующего влияния религии и религиозных институтов<sup>1</sup>.

Такие мыслители, как К. Маркс, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, редко используя термин «секуляризация» или не употребляя его вообще, тем не менее были убеждены в том, что перспективы религии как явления,

<sup>1</sup> Аналогичная трансформация имела место и в других европейских языках, включая русский. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (первое издание вышло в 1860-е гг.) термин «секуляризация» уже встречается, но еще предлагается его первоначальное, узкое толкование [1, с. 155].

оказывающего огромное влияние на все сферы человеческой жизни, весьма печальны, и в модернизирующемся обществе она утратит влияние, уступив место рационалистическому взгляду на мир. Ясно обозначившееся в 1960-е гг. значительное сокращение институциональной религиозности в странах Запада, прежде всего – европейских, привело к созданию социологами П. Бергером, Б. Уилсоном, Т. Лукманом теории секуляризации, в соответствии с которой модернизация общества неизбежно ведет к падению общественной значимости религии. Б. Уилсоном было дано определение секуляризации, часто рассматриваемое как классическое: секуляризация – это «процесс, в ходе которого религиозное мышление, практика и институты утрачивают социальное значение» [39, р. XIV]. Творцы теории секуляризации исходили из тезиса о ее необратимости.

Однако ближе к концу XX века под влиянием так называемого «исламского возрождения», широкого распространения новых религиозных движений, сохраняющегося высокого уровня институциональной религиозности в странах «третьего мира» и США концепт секуляризации стал подвергаться жесткой критике, вплоть до призыва отправить его на кладбище ложных теорий [38, р. 79]. Впрочем, немалое количество исследователей, отказавшись от представления о секуляризации как линейном и в перспективе глобальном процессе, сохранило приверженность самой теории, сужая область ее применения западным обществом. По мнению Дж. Кокса, теория секуляризации остается «самой влиятельной общей концепцией положения религии в современной Европе» [13, р. 201].

Цель настоящей статьи – представить критический обзор точек зрения, высказываемых в современной англоязычной историографии относительно развития процессов секуляризации в Англии «долгого XVIII века»<sup>1</sup> и последующей викторианской эпохи (1837-1901). Активный критик концепции секуляризации, британский историк Дж. Кларк считает, что именно «долгий XVIII век» является той «важнейшей территорией», на примере которой его оппоненты стремятся продемонстрировать ее реальность [11, р. 184]. Немалое число исследований посвящено и динамике развития религиозности в викторианский период.

Примечательно, что оценки уровня секуляризации английского общества рассматриваемого периода в целом соответствуют развитию самого концепта секуляризации, вначале практически не оспаривавшегося, а затем долгое время с разной степенью решительности отрицавшегося. По мнению историографа британской секуляризации Дж. Морриса, начало современным дискуссиям о проявлениях данного феномена в Англии положила работа англиканского епископа Э. Викхема «Церковь и народ в промышленном городе», в которой важнейшим оказался тезис о постепенной утрате Церковью Англии влияния на рабочий класс [32, р. 198]. К аналогичным выводам пришли К. Инглис и Х. Маклауд. Первый проанализировал попытки английских церковных организаций викторианской Англии осуществить рехристианизацию городского рабочего класса и признал их в целом безуспешными [21]. Х. Маклауд подчеркнул, что к 1880 г. отчуждение рабочего класса от основных церквей являлось свершившимся фактом, а христианские убеждения средних и высших общественных слоев подверглись серьезной эрозии [28]. В опубликованных в 1960-х гг. в журнале «Викториан Стадиз» статьях также ощутимо влияние концепции секуляризации [24; 31].

Хотя Х. Маклауд полагает, что работы Викхема и Инглиса «установили новую историческую ортодоксию» [29, р. 4], основные исследовательские усилия долгое время концентрировались на детальном изучении истории церкви и религиозных движений, а оценка общей динамики развития религиозности часто ограничивалась одной-двумя фразами. Так, О. Чедвик на первой же странице своего ставшего классическим труда утверждал, что Французская революция конца XVIII века укрепила у англичан желание быть христианами, поэтому в XIX веке страна «была религиозной» [8, р. 1]. Сам термин «секуляризация» использовался специалистами по английской религиозной истории рассматриваемого периода вплоть до середины 1970-х гг. не слишком часто.

Вопросы развития секуляризации в 1960-1970-е гг. чаще рассматривались и создавались политологами и социологами, среди которых следует особо выделить Д. Мартина. В конце 1960-х гг. он опубликовал небольшую статью, уже содержавшую формулировки концепции, детально изложенной в вышедшей в 1978 г. монографии под названием «Общая теория секуляризации». В статье автор, прежде всего, призывает учитывать многообразие путей, которые ведут к секуляризации в различных культурах с доминирующим положением христианства [27].

В своей монографии Мартин стремится получить ответ на вопрос о том, «при каких условиях религиозные институты... теряют свое влияние, а религиозные верования воспроизводятся с меньшей легкостью» [26, р. 12]. Он полагает, что своеобразие секуляризационного процесса в той или иной стране (группе стран) во многом определяется «ключевым событием» в ее истории, начиная с раннего Нового времени. Это может быть победа или поражение Реформации, Французская революция. В Англии такими «ключевыми событиями» были революция, гражданская война и реставрация монархии (1642-1660) [Ibidem, р. 4-5]. С «ключевым событием», как правило, связаны укрепление или, наоборот, серьезный подрыв монопольного положения какой-либо церкви как единственной или официально господствующей. Монополия (например, православная в России или католическая во Франции) за исключением отдельных случаев порождает воинствующий противовес в лице последовательного секуляризма [Ibidem, р. 17, 24].

Выделяя несколько моделей секуляризации, Мартин противопоставляет латинскую модель, реализующуюся в большинстве стран, католической монополии (Франция, Италия, Испания), американской (США). В первом

<sup>1</sup> Этот термин вслед за Ж. ле Гоффом, писавшем о «долгом средневековье», и Э. Хобсбоумом, выделявшем «долгий XIX век», активно используют современные исследователи для характеристики периода английской истории, начальной точкой которого является Славная революция 1688-1689 гг. (иногда реставрация монархии в 1660 г.), а конечной – парламентская реформа 1832 г. [35].

случае в обществе постоянно дискутируется вопрос о религии как таковой, ее общественном статусе, правые силы группируются вокруг Католической церкви, левые являются последовательными антиклерикалами. Во втором – отсутствие государственной церкви делает вопрос о религии как таковой непроблематичным, не порождает антиклерикализма, приводит к меньшей конфликтности политической жизни [Ibidem, p. 17-26].

Говоря об английской модели, Мартин отмечает ее промежуточный, «средний», «запаздывающий» (по сравнению с американской моделью) характер [Ibidem, p. 32]. Здесь сохранился государственный статус Церкви Англии, но после принятия в 1689 г. «Акта о веротерпимости» она оказалась окружена множеством диссентерских<sup>1</sup> деноминаций, существовавших на легальных основаниях. Смягченная, по сравнению со странами латинской модели, религиозная монополия в Англии обусловила достаточно низкий уровень антиклерикализма, понятие «христианство» не было связано исключительно с государственной церковью, в политической жизни долгое время сохранялось использование как религиозной, так и светской риторики [Ibidem, p. 50, 63].

Хотя, как отмечает Мартин, диссентерам так и не удалось рекрутировать в свои ряды большую часть рабочего класса (за исключением его наиболее квалифицированных групп), их позиции в буржуазной среде были весьма прочными, тогда как англиканство, при всем разнообразии состава его приверженцев, имело четкий аристократический имидж. В определенной степени до 1920-х гг. консервативную партию можно рассматривать как про-англиканскую, а либеральную – как про-диссентерскую [Ibidem, p. 30-33]. Однако, поскольку религия как таковая, в отличие от стран латинской модели, в Англии не находилась в центре общественных дискуссий, политические конфликты протекали в более мягкой форме, и стабильность демократии оказывалась весьма высокой [Ibidem, p. 50].

В последующих работах Мартин сосредоточил внимание на анализе развития секуляризации в современном мире, уделяя рассмотрению английской ситуации очень немного внимания. Но и по прошествии сорока лет с момента публикации «Общей теории секуляризации» идеи Мартина, а главное – выделенные им модели, представляются вполне адекватным объяснением не только особенностей секуляризационного процесса в различных христианских культурах, но и динамики религиозно-политического взаимодействия, особенно в XVIII-XIX веках.

Применительно к Англии отметим, что крупнейшую в указанные столетия вспышку антиклерикализма осенью 1831 г., когда голосование подавляющего большинства англиканских епископов в палате лордов против билля о первой парламентской реформе вызвало массовые проявления неприязни к государственной церкви, можно рассматривать в качестве очевидного результата случившейся в предшествующие четыре десятилетия коррекции английской модели в «латинском» направлении, выразившейся в укреплении «союза трона и алтаря» с целью сохранения английского варианта «старого порядка» [2].

Постепенно, особенно с середины 1970-х гг., историки перестали ограничиваться анализом внутреннего развития английских церквей и их роли в «большой» политике, обратившись к рассмотрению социальных аспектов религиозной истории. Это обстоятельство неизбежно привело к необходимости поисков ответа на вопрос о степени религиозности английского общества XVIII-XIX веков, а значит – и к применимости концепта секуляризации к этому периоду. В отличие от книги Мартина, монография австралийского историка А. Д. Джилберта «Религия и общество в индустриальной Англии: государственная церковь, диссентеры и социальные изменения, 1740-1914» насыщена статистическими данными. Иного взгляда придерживается Джилберт и на религиозное развитие страны в XVIII-XIX веках. По его мнению, оно было достаточно конфликтным, причем определяющую роль играло противостояние англикан и диссентеров (австралийский историк пользуется для их обозначения терминами соответственно “church” и “chapel”). Этот конфликт на религиозном уровне отражал переход страны от доиндустриального общества, в котором власть принадлежала земельной элите, а ее духовной опорой была государственная Церковь Англии, к обществу буржуазному и индустриальному, основанному на принципах представительной демократии и либерализма, за которые ратовало подавляющее большинство диссентеров [19, p. 205].

В конце XVIII – первой половине XIX века параллельно шли два процесса: упадок англиканства и беспрецедентный рост диссентерских организаций, чьи ряды наиболее активно пополняли нижние слои «среднего класса», мелкие торговцы, ремесленники, стремившиеся уйти от культурной гегемонии землевладельца и англиканского священника [Ibidem, p. 63-68]. В итоге в стране к середине XIX века сложился религиозный плюрализм. Церковь Англии все в большей степени утрачивала свое исключительное положение и, сохраняя государственный статус, тем не менее фактически превратилась в деноминацию, то есть церковную структуру, борющуюся за влияние с другими организациями (в данном случае – прежде всего, диссентерскими) в условиях плюралистического общества [Ibidem, p. 138-143]. Именно конфликт диссентеров и Церкви Англии, как полагает Джилберт, более чем на полстолетия – вплоть до начала XX века – затормозил развитие секуляризации [Ibidem, p. 205]. Поэтому викторианская религиозность представляет собой «парадокс сочетания явной жизнеспособности религии с латентной секуляризацией» [Ibidem, p. VIII].

Возрождение англиканства во второй половине XIX века, уже в рамках деноминационной парадигмы, в сочетании с достижением к концу столетия религиозного равноправия, бывшего долгое время одним из важнейших требований диссентеров, привело к исчерпанию многолетнего конфликта “church” и “chapel”, позволив в начале прошлого столетия секуляризации стать уже более зримой [Ibidem, p. 205-206]. Немалое значение имел и «кризис правдоподобия» религиозных идей, начавший проявляться в том числе под влиянием развития науки и ударивший по всем религиозным группам [Ibidem, p. 176-203]. В долгосрочной же

<sup>1</sup> От англ. dissent – несогласие. Так именовали радикальных протестантов – баптистов, пресвитериан, квакеров, методистов и др., не принадлежавших к умеренно-протестантской государственной Церкви Англии.

перспективе важнейшую роль в развитии секуляризации сыграла все-таки индустриализация, а деноминализация религии была ее «повивальной бабкой», но не продуктом [Ibidem, p. 207].

Завершающим десятилетием «долгого XVIII века» посвящено исследование Р. Хола. В отличие от работы Джилберта, здесь совершенно отсутствуют статистические выкладки, но в данном случае это представляется вполне естественным, поскольку в центре внимания Хола находится не социальная история религии, а секуляризация политической мысли. Она представляется автору «одной из наиболее фундаментальных тенденций в интеллектуальной истории Англии последних трех столетий» [20, p. 1]. В период между 1760 и 1832 гг., полагает Хол, произошли решающие изменения, выражающиеся в значительном снижении удельного веса религиозных аргументов в политической теории и практике [Ibidem, p. 1-4]. Определяясь с терминами, под религиозными аргументами исследователь понимает положения, основанные на вере в Бога, авторитет церкви и/или Священного Писания. Светская аргументация, напротив, либо вообще не содержит апелляций к Богу и божественному, либо имеет «косметический» характер [Ibidem, p. 7].

Рассматривая период с 1760 г. по 1789 г., исследователь отмечает доминирование теоцентрического подхода. Религиозные аргументы активно использовались для апологии конституционного устройства британской монархии, сложившегося в результате «Славной революции» 1688-1689 гг., но преимущественно клириками, а не мирянами [Ibidem, p. 11-15]. Последние прибегали к религиозным аргументам, как правило, лишь в дискуссиях, затрагивавших положение Церкви Англии. Религиозные же деятели (анализируются взгляды англиканских епископов, священников, католического духовенства, диссентерских и методистских пасторов) акцентировали внимание не на «божественном» характере монархии, а на необходимости христианского подчинения власти, причем конкретные формы ее осуществления характеризовались как чисто человеческие конструкции [Ibidem, p. 40-59].

Значительные изменения произошли в конце XVIII – начале XIX века. Опасения по поводу возможного перенесения французского революционного опыта на английскую почву привели к концентрации внимания англиканского духовенства и консервативных мыслителей на защите существующего порядка. Сложилась устойчивая ассоциация христианства со стабильностью, а неверия – с революционным хаосом. Акцент все больше стал делаться на социальных моментах: необходимо не просто подчинение власти, но в первую очередь – низших классов высшим. При этом на первый план в возрастающей степени выходили соображения «полезности» религии, а не «истинности» тех или иных ее форм. Этот тезис Хол подкрепляет анализом взглядов мыслителей, различных по своим теологическим и политическим взглядам: Э. Берка, У. Пейли, Дж. Бентама, епископа С. Хорсли [Ibidem, p. 95-174].

В заключительных разделах книги Хол рассматривает дискуссии, развернувшиеся накануне и в процессе «конституционной революции» 1828-1832 гг. [Ibidem, p. 175-247]. Ее первые два акта – отмену «Актов о проверке и корпорациях», ограничивавших права диссентеров, и эмансипацию (наделение избирательными правами) католиков – исследователь полагает более важными, чем третий акт – парламентскую реформу [Ibidem, p. 239]. Хол отмечает, что расширение религиозных свобод произошло не вследствие того, что теологические аргументы «за» перевесили аналогичные аргументы «против», а по причине политической необходимости и предполагаемой «полезности» таких мер [Ibidem, p. 244].

В итоге автор делает вывод о том, что к началу 1830-х гг. в развитии политической мысли произошли кардинальные изменения. Если в 1689 г. для оправдания произошедших в ходе «Славной революции» конституционных перемен активно задействовались религиозные аргументы, то теперь теология отнюдь не доминировала в дебатах о конституционной теории. А обсуждение вопроса о первой парламентской реформе (1832 г.) вообще практически обошлось без религиозных аргументов [Ibidem, p. 240, 245-247]. Таким образом, секуляризация английской политической мысли представляется Холу несомненной.

Хотя книга Хола увидела свет в 1989 г., она была задумана и подготовлена несколько раньше и по своему характеру и направленности скорее напоминала работы 1970-х гг., когда концепт секуляризации рассматривался в качестве неоспоримого. В 1980-е гг. ситуация стала ощутимо меняться. Еще исследование Дж. Обелькевича, вышедшее в 1976 г., строилось вокруг тезиса о необходимости отказаться от абсолютизации статистических данных и учитывать особенности такого феномена, как народная религиозность. Она не всегда связана с активным посещением храмов, а ее уровень, как показано в монографии, по крайней мере в некоторых сельских районах викторианской Англии, оставался достаточно высоким [34]. В опубликованной в 1982 г. монографии Дж. Кокса, посвященной рассмотрению религиозной ситуации в лондонском районе Ламбет в 1870-1930 гг., сделан вывод о том, что вплоть до конца XIX столетия общественное влияние религии было весьма ощутимым, а его последующее падение связано не с индустриализацией и урбанизацией, а с утратой церквями «социальной полезности» [13]. Наконец, в 1988 г. вышла статья Каллума Дж. Брауна, в которой он подтвердил важнейшие тезисы Кокса, подвергнув критике аргумент Джилберта об урбанизации как одной из важнейших причин секуляризации. Долгое время религиозные организации вполне успешно функционировали в рамках городской культуры, а упадок религиозности начался, по мнению Каллума Брауна, только в 1890-е гг. и был обусловлен (здесь он также солидарен с Коксом) утратой церквями функций социального интегратора [3, p. 11-13].

Однако наиболее решительный удар по построениям историков, утверждавших наличие секуляризации в Англии XVIII-XIX веков, нанесла книга Джонатана Кларка «Английское общество, 1688-1832. Идеология, социальная структура и политическая практика при “старом порядке”». Как в первом, так и во втором издании монографии (расширенном, но сохранившем прежние основные выводы) упоминания о секуляризации достаточно редки, но все фундаментальные представления об Англии «долгого XVIII века» подвергаются серьезной ревизии. Дж. Кларк резко критикует как наследников сложившейся еще в XVIII веке «вигской

интерпретации истории», так и исследователей марксистского направления, в первую очередь К. Хилла и Э. Хобсбоума. Первые (например, Дж. Тревелиян), по его мнению, рассматривали английскую историю XVIII – начала XIX века сквозь призму викторианской эпохи, видя в ней, прежде всего, «прогресс», развитие либеральных идей, конституционализма. Вторые же придавали слишком большое значение социально-экономическим факторам, в частности индустриализации и урбанизации [10, р. 3-11]. Дж. Кларк же, напротив, полагает, что английское общество вовсе не продвигалось в либеральном направлении, а индустриализация была малоощутима вплоть до начала XIX века. Он полагает возможным использовать термин «старый порядок», употребляемый обычно для характеристики европейских абсолютистских режимов XVII-XVIII веков, в первую очередь дореволюционной Франции. Важнейшие характеристики английского общества рассматриваемого периода были следующими: оно было англиканским, аристократическим и монархическим [Ibidem, р. 7]. Кларк полагает возможным даже использовать термин «конфессиональное государство», хотя и не отрицает, естественно, наличия в стране религиозных меньшинств [9, р. 26-34].

По мнению исследователя, именно эти меньшинства, в первую очередь диссентеры-антитринитарии (отрицавшие догмат о Троице), права которых не были признаны «Актом о веротерпимости» 1689 г., и были заинтересованы в расшатывании «старого порядка». Оппозиция по отношению к государству была одновременно и оппозицией по отношению к государственной церкви и имела религиозный характер [10, р. 283]. Согласно Кларку, английский радикализм конца XVIII – первой трети XIX века был преимущественно не светским, а религиозным феноменом [Ibidem, р. 277-278]. «Конституционную революцию» 1828-1832 гг. Кларк полагает чрезвычайно важным событием, но отказывается считать ее закономерным результатом постепенного продвижения либеральной точки зрения [Ibidem, р. 409]. Отводя решающую роль субъективным моментам (раскол тори и сплоченность вигов, объединившихся с диссентерами), Кларк считает наиболее значимыми ее первые два акта, поскольку именно они разрушили «конфессиональное государство» [Ibidem, р. 419].

И первое, и второе издания монографии Кларка вызвали значительный резонанс в англоязычном историческом сообществе. Многие положения концепции Кларка были подвергнуты серьезной критике, в частности тезисы о «старом порядке» и «конфессиональном государстве». Если в середине прошлого столетия Дж. Китсон Кларк призывал «вернуть религию... в картину жизни Англии XIX века» [25, р. 25], то для труда Кларка характерна уже абсолютизация роли религиозного фактора. Дж. Иннес, анализируя труд Кларка, справедливо заметила: «Взгляд сквозь религиозную призму позволяет обнаружить некоторые важные вещи. Но он способен дать далеко не полную, а иногда и искаженную картину» [22, р. 193]. Естественно, Кларк отвергает концепцию секуляризации, хотя делает это пока еще достаточно осторожно, выражая сомнение в ее «естественности» [10, р. 29] и наличии связей между индустриализацией, секуляризацией и демократизацией [Ibidem, р. 449].

Работы Кларка оказали неоднозначное влияние на весь процесс изучения английской религиозности XVIII-XIX веков. Значительно активизировался процесс исследования таких важнейших явлений, как Оксфордское и Евангелическое движения, без анализа которых понимание многих тенденций развития Англии викторианской эпохи вряд ли возможно. Исследователей во все возрастающей степени занимают теперь не просто теологические нюансы, но и их взаимосвязь с общественно-политическим процессом. Дж. Кларк прав в том, что историки, занимающиеся проблемами XIX-XX веков, стали изучать религиозные аспекты тем, ранее считавшихся исключительно светскими [11, р. 167-168]. В список приводимых им в качестве примера исследований можно добавить работы, затрагивающие английскую проблематику [6; 7; 16]. Каллум Дж. Браун в опубликованной в начале XXI века работе сдвинул сроки начала «дехристианизации» Британии к 1960-м гг. [4]. Секуляризация, как отмечает Дж. Моррис, стала рассматриваться как феномен, обнаружившийся лишь в последние десятилетия и не имеющий прямой связи ни с индустриализацией, ни с урбанизацией, ни с ростом классового сознания [32, р. 202]. А известный сторонник парадигмы секуляризации С. Брюс в 2011 г. придал своей новой книге заголовок: «В защиту немодной теории» [5].

В то же время труды таких авторов, как А. Д. Джилберт и Р. Хол, попали в разряд малоупоминаемых и малоцитируемых. Так, У. Гибсон в своей обширной работе, посвященной истории Церкви Англии «долгого XVIII века», в разделе «Историки и Церковь» подробно рассмотрел взгляды Дж. Кларка, но ни о А. Д. Джилберте, ни о Р. Холе не только не упомянул, но даже не включил их работы в библиографический список [18]. Крупнейший специалист по проблемам истории Оксфордского движения П. Б. Ноклс подверг Р. Хола критике за преувеличение степени размывания «смысла конфессионального государства» в десятилетия, предшествовавшие «конституционной революции» 1828-1832 гг. [33, р. 61].

В 2012 г. Дж. Кларк опубликовал большую теоретико-историографическую статью, в которой он подверг концепт секуляризации значительно более масштабной критике, чем ранее, объявив его полностью несостоятельным. По мнению Кларка, не существует никакого фундаментального различия между последними несколькими столетиями и более ранней эпохой в том смысле, что первые отмечены печатью секулярности, а вторые – религиозности [11, р. 174]. Упадка социальной, политической значимости религии, религиозных институтов как общей тенденции не существует, он мог иметь место в определенное время, но затем следовало возрождение [Ibidem, р. 178-185]. Применительно к Британии «долгого XVIII века» можно утверждать, что формы выражения религиозности менялись, но сама религиозность была константой, и никакой секуляризации не происходило [Ibidem, р. 184-185]. Более того, по мнению Кларка, сама категория «процесс» применительно к истории является сомнительной, поэтому изучать следует не мифический процесс секуляризации, а условия, породившие возможность появления такого концепта [Ibidem, р. 183-190].

Однако, хотя в заглавии статьи Кларка для характеристики процесса секуляризации употребляется слово “failure” (провал), в настоящее время далеко не все исследователи, как уже говорилось, готовы поддержать такую точку зрения как в общем плане, так и применительно к Англии. Характерно, что в том же 2012 г.

в авторитетном «Английском историческом журнале» Д. Эрдозейн опубликовал обзор недавно увидевших свет работ по социологии и философии религии, которые, по его мнению, позволяют говорить о «возвращении секуляризации» [17]. Это свидетельствует о том, что концепция секуляризации продолжает демонстрировать свою жизнеспособность и готовность развиваться, реагируя на конструктивные замечания.

В качестве подтверждения ее работоспособности на материалах английской истории XVIII-XIX веков можно привести множество примеров. Продолжает заниматься проблемами секуляризации крупнейший британский специалист по социальной истории религии Х. Маклауд. Значительный интерес представляет осуществленный им компаративный анализ ситуации в трех крупнейших западноевропейских странах: Англии, Франции и Германии – в 1848-1914 гг. Общим, по мнению Маклауда, является то обстоятельство, что религиозная история этих стран вполне может быть описана в терминах секуляризации [29, р. 286]. Но в качестве ключевого Маклауд предлагает использовать другое понятие – плюрализм. Большое значение имело серьезное расширение масштабов веротерпимости, заметное, начиная с XVII столетия. Это дало толчок развитию деизма, скептицизма и атеизма, хотя о начале серьезной общественной секуляризации можно говорить с конца XVIII века. Имело место не просто противостояние религиозного и секулярного, а соперничество различных форм как религиозного, так и секулярного между собой [Ibidem, р. 287]. Наиболее очевидным проявлением секуляризации было сокращение числа людей, регулярно посещающих церкви, хотя из всех трех стран в Англии это случилось позже всего – в 1890-е гг. [Ibidem, р. 179]. В публичной сфере на протяжении всего описываемого периода присутствие религии было заметным, хотя религиозно-политическое взаимодействие складывалось по-разному, и для Англии открытое противостояние клерикалов и секуляристов-антиклерикалов, как во Франции, было не характерно [Ibidem, р. 285]. До 1960-х гг. во всех трех странах, при наличии серьезных специфических особенностей (в Англии в оппозиции государственной церкви были, прежде всего, диссентеры, а не немногочисленные секуляристы, правительственные же институты, в отличие от Франции, никогда не выстраивали никаких секуляризационных программ), основная масса населения сохраняла приверженность христианским институтам. Баланс в пользу секуляризации стал очевидно сдвигаться только в 1960-е гг. [Ibidem, р. 289]. В более поздней работе Маклауд сделал важное уточнение: если до 1960-х гг. сохранялся общественный порядок, основанный на христианстве (*Christendom*), то в дальнейшем он рухнет, хотя это крушение не означает исчезновения христианства как такового [30, р. 265].

Некоторые исследователи, сосредоточившись на анализе религиозной переписи в Англии 1851 г., используют математические методы. Э. Крокетт опровергает тезис о наличии жесткой взаимосвязи между урбанизацией и секуляризацией, показывая, что в тех районах Англии и Уэльса, где разворачивалось активное соперничество между англиканами и диссентерами, институциональная привязанность к Церкви Англии ослабевала [15, р. 338]. Как правило, это были, прежде всего, урбанизированные районы, однако позиции диссентеров, как показала религиозная перепись, оставались достаточно прочными. Таким образом, по мнению Э. Крокетта, секуляризационный импульс исходил не столько от урбанизации, сколько от религиозного разнообразия [Ibidem, р. 55-59], на значимость которого указывает и Х. Маклауд.

К сходным выводам пришли К. Снелл и П. Элл. Они отмечают наличие определенной связи между урбанизацией и секуляризацией: для Лондона и крупных промышленных городов характерен весьма низкий, по сравнению со среднеанглийскими показателями, уровень посещаемости церквей [37, р. 402-404]. В то же время в немалом количестве сельскохозяйственных районов посещаемость также оказывается ниже средних значений [Ibidem, р. 411]. Ключом к пониманию секуляризационного процесса являются, по мнению авторов, различия между регионами, где национально-культурная идентичность не подвергалась сколь-нибудь серьезным вызовам (это многие районы сельской и малоурбанизированной Англии с доминированием англиканства, районы Уэльса с говорящим по-валлийски населением), и регионами, где эта идентичность подвергалась испытанию, в том числе благодаря присутствию различных вариантов религиозного выбора. Именно последние и оказывались подвержены секуляризационным процессам [Ibidem, р. 414-418].

Х. Маклауд, Э. Крокетт, К. Снелл и П. Элл относятся к числу исследователей, концентрирующих внимание на изучении религии и секуляризации как *социальных* феноменов. П. Корфилд, как и ранее Р. Хол, оперирует не столько статистическими выкладками, сколько стремится, обращаясь к разнообразным источникам, измерить «политическую, интеллектуальную и культурную температуру» английского общества XVIII века [12, р. 231]. Она обращает внимание не только на рост религиозного плюрализма, но и на широкое распространение не-религиозного взгляда на самый широкий круг вопросов (например, пьянство стало рассматриваться скорее как болезнь, нежели как грех [Ibidem, р. 235]), более специализированную роль духовенства, сократившего, в силу распространения ряда новых профессий, исполнение юридических, медицинских функций [Ibidem, р. 234-239]. П. Корфилд приводит существенный аргумент, свидетельствующий о реальности секуляризационных процессов: существовало огромное количество книг и статей, в которых современники говорили о XVIII столетии как «веке безверия» и даже атеизма, но никто не характеризовал его как «эпоху веры» [Ibidem, р. 240-243].

Подведем итог, который, учитывая сохраняющийся пристальный интерес историков религии, социологов, философов к проблемам секуляризации в целом и секуляризации в Англии XVIII-XIX веков в частности, будет, несомненно, промежуточным. Сам концепт секуляризации, как и его применимость к анализу религиозной ситуации в Англии рассматриваемого периода, продемонстрировал свою жизнеспособность. Наряду с точкой зрения Дж. Кларка, которую можно охарактеризовать как крайнюю, высказываются мнения о необходимости новых подходов к изучению этого феномена, о чем свидетельствует как историографическая статья Дж. Морриса, так и недавнее посвящение ему целого номера «Журнала религиозной истории» [23].

Вместе с тем критика секуляризации Дж. Кларком и некоторыми другими авторами в конечном счете имела и положительные последствия: изучение английской религиозной жизни, роли религии в культурном и политическом развитии страны в XVIII-XIX веках стало более интенсивным с активным введением в оборот новых источников. Завершить настоящую статью хотелось бы очень показательным примером. В 2014 г. появилась статья британского исследователя Р. Сондерса под названием «Бог и великий акт о реформе», в которой автор показал использование теологических аргументов как противниками, так и сторонниками реформирования палаты общин в начале 1830-х гг., опровергнув тем самым точку зрения Р. Хола об исключительно светском характере дискуссий по этому вопросу [36]. Казалось бы, Р. Сондерс подтвердил правоту взгляда Дж. Кларка, полагавшего внутривнутриполитическую борьбу в эпоху «долгого XVIII века», прежде всего, религиозной.

Однако при внимательном прочтении текста Р. Сондерса, в частности пристальном рассмотрении ссылок, становится ясным, что теологические аргументы использовались в основном англиканскими священниками и диссентерскими пасторами в проповедях и специализированных изданиях. В светских журналах и парламентских дебатах аргументы такого рода были редкостью. Р. Сондерс заканчивает свою статью важным выводом: во время дебатов о второй (1867) и третьей (1884-1885) парламентской реформах аргументы о невозможности изменения «богоустановленных» государственных устоев уже не звучали, и дискуссия шла в утилитарном ключе [ibidem, p. 399]. Этот вывод лишней раз свидетельствует о необходимости учитывать и адекватно оценивать роль религиозного фактора в общественных процессах, не забывая о том, что феномен секуляризации, как, несмотря на ряд частных расхождений, полагает большинство исследователей эпохи XVIII-XIX веков, есть не искусственный конструкт, а объективная реальность, нуждающаяся в дальнейшем изучении.

#### Список источников

1. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. М.: Общество любителей российской словесности, 1866. Ч. 4. 626 с.
2. **Стецкевич М. С.** Парламентская реформа 1832 г. и Церковь Англии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 59-72.
3. **Brown C. G.** Did urbanization secularize Britain? // *Urban History*. 1988. Vol. 15. P. 1-14.
4. **Brown C. G.** The Death of Christian Britain: Understanding Secularisation, 1800-2000. L.: Routledge, 2009. 320 p.
5. **Bruce S.** Secularization: in Defence of an Unfashionable Theory. Oxford: Oxford University Press, 2011. 256 p.
6. **Cantor G.** Religion and the Great Exhibition of 1851. Oxford: Oxford University Press, 2011. 272 p.
7. **Carey H. M.** God's Empire: Religion and Colonialism in the British World, c. 1801-1908. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 446 p.
8. **Chadwick O.** The Victorian Church: in 2 vols. L.: Adam & Charles Black, 1966. Vol. 1. 606 p.
9. **Clark J. C. D.** English Society, 1660-1832: Religion, Ideology, and Politics during the Ancien Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 596 p.
10. **Clark J. C. D.** English Society, 1688-1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 449 p.
11. **Clark J. C. D.** Secularization and Modernization: the Failure of a "Grand Narrative" // *The Historical Journal*. 2012. Vol. 55. Iss. 1. P. 161-194.
12. **Corfield P.** 'An Age of Infidelity': Secularization in Eighteenth-century England // *Social History*. 2014. Vol. 39. № 2. P. 229-247.
13. **Cox J.** Master narratives of long-term religious change // McLeod H., Ustorf W. The Decline of Christendom in Western Europe, 1750-2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 201-217.
14. **Cox J.** The English Churches in a Secular Society: Lambeth, 1870-1930. N. Y. – Cambridge: Oxford University Press, 1982. 322 p.
15. **Crockett A.** A Secularising Geography? Patterns and Processes of Religious Change in England and Wales, 1676-1851: Ph.D. Thesis. Leicester, 1998. 544 p.
16. **Duncan F.** The Development of a Tory Ideology and Identity, 1760-1832: Ph.D. Thesis. Stirling, 2015. 289 p.
17. **Erdozain D.** "Cause is not quite what it used to be": the Return of Secularisation // *The English Historical Review*. 2012. Vol. 127. Iss. 525. P. 377-400.
18. **Gibson W.** The Church of England 1688-1832: Unity and Accord. L.: Routledge, 2001. 288 p.
19. **Gillbert A. D.** Religion and Society in Industrial England: Church, Chapel and Social Change, 1740-1914. L.: Longman, 1976. IX+242 p.
20. **Hole R.** Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760-1832. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 326 p.
21. **Inglis K. S.** Churches and Working Classes in Victorian England. L.: Routledge and Kegan Paul, 1963. 350 p.
22. **Innes J.** Jonathan Clark, Social History and England's "Ancien Regime". Review article // *Past and Present*. 1987. № 115. P. 165-200.
23. **Journal of Religious History**. 2017. Vol. 41. № 4.
24. **Kent J.** The Victorian Resistance: Comments on Religious Life and Culture, 1840-1880 // *Victorian Studies*. 1968. Vol. 12. № 2. P. 145-154.
25. **Kitson Clark G.** The Making of Victorian England. L.: Routledge, 1962. 328 p.
26. **Martin D.** A General Theory of Secularisation. Oxford: Basil Blackwell, 1978. 362 p.
27. **Martin D.** Notes for a General Theory of Secularisation // *European Journal of Sociology*. 1969. Vol. 10. Iss. 2. P. 192-201.
28. **McLeod H.** Class and Religion in the Late Victorian City. L.: Routledge, 1974. 374 p.
29. **McLeod H.** Secularisation in Western Europe, 1848-1914. L.: Palgrave, 2000. 387 p.
30. **McLeod H.** The Religious Crisis of the 1960s. Oxford: Oxford University Press, 2007. 304 p.
31. **Meacham S.** The Church in the Victorian City // *Victorian Studies*. 1968. Vol. 11. № 3. P. 359-378.
32. **Morris J.** Secularization and Religious Experience: Arguments in the Historiography of Modern British Religion // *The Historical Journal*. 2012. Vol. 55. Iss. 1. P. 195-219.
33. **Nockles P. B.** The Oxford Movement in Context: Anglican High Churchmanship, 1760-1857. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 364 p.
34. **Obelkevich J.** Religion and Rural Society: South Lindsey, 1825-1875. Oxford: Clarendon Press, 1976. 367 p.



35. O'Gorman F. The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688-1832. L.: Bloomsbury Publishing, 1997. 430 p.
36. Saunders R. God and the Great Reform Act: Preaching against Reform, 1831-32 // Journal of British Studies. 2014. Vol. 53. Iss. 2. P. 378-399.
37. Snell K. D. M., Ell P. S. Rival Jerusalem: The Geography of Victorian Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 515 p.
38. Stark R., Finke R. Acts of Faith. Berkeley, CA: University of California Press, 2000. 257 p.
39. Wilson B. Religion in Secular Society: A Sociological Comment. L.: Watts, 1966. XXIV+264 p.

#### SECULARISATION IN ENGLAND IN THE XVIII-XIX CENTURIES: PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Stetskevich Mikhail Stanislavovich, Ph. D. in History, Associate Professor  
Saint Petersburg University  
m.steckevich@spbu.ru

The article examines the process of studying secularisation in England in the XVIII-XIX centuries by the modern English historiography. The existing views on the concept of secularisation and the scope of its applicability to the description of the English religious life during this period are analysed. The paper carries out the analysis of the conceptions of such researchers as D. Martin, A. D. Gillbert, H. McLeod, J. Clark, and others. It is concluded that most authors recognize the presence of serious secularisation processes in Victorian England, although they differ in assessing their causes, dynamics and scales.

*Key words and phrases:* secularisation; historiography; Church of England; dissenters; anticlericalism.

УДК 94(47).084.8

Дата поступления рукописи: 24.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.11>

*В статье рассматриваются обвинения, предъявленные основным фигурантам так называемого «ленинградского дела», в расстановке «своих» кадров в партийно-государственной системе власти и нарушении принципов выдвижения кадров по деловым качествам. Как показывают документы, в ходе «дела» бывшие и действовавшие ленинградские руководящие кадры были подвергнуты тщательной проверке. В результате были выявлены многочисленные компрометирующие сведения самого различного характера: ошибки и недостатки в работе, наличие партвызканий, восхваление «ленинградских вождей», коррупционные действия, пьянство, «морально-бытовое разложение».*

*Ключевые слова и фразы:* «ленинградское дело»; партийно-государственная система власти; период «позднего сталинизма»; коррупция; управленческие практики.

Сушков Андрей Валерьевич, к.и.н.

Бедель Александр Эмануилович, к.и.н.

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург  
suschkow@mail.ru; bedel54@mail.ru

#### «ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»: К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ СМОЛЬНОГО В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Начиная с конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г. М. Маленкова и Л. П. Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», наибольшим влиянием среди которых обладали А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский и А. А. Кузнецов, – с другой. Маленков и Берия, воспользовавшиеся ослаблением «ленинградской группы» после смерти второго секретаря ЦК Жданова под различными надуманными предлогами (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, – физического. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве и в конечном счете озабоченный укреплением личной власти [1, с. 168-188; 3, с. 122-132; 5; 7; 9, с. 173-189; 12, с. 252-254; 19, с. 384-385].

Следует признать, что в настоящее время отсутствует полноценное научное исследование, в котором бы на основе детального, всестороннего и беспристрастного изучения всего имеющегося в архивных учреждениях комплекса документальных материалов были рассмотрены причины и ход «ленинградского дела». Ввиду того что основные массивы документов по «делу» до сих пор находятся на закрытом хранении в бывших партийных архивах, в архивах госбезопасности и иных ведомственных архивохранилищах и неясно, когда профессиональные историки получат к ним доступ, надеяться на появление в ближайшее время такого исследования